ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ЕВРЕЙСКОМЪ ПРОШЛОМЪ.

ТЕПЕРЬ, когда вся жизнь уже въ прошломъ и впереди ни упованій, ни надеждъ, это прошлое, хотя мало счастливое и рѣдко, рѣдко пріятное и радостное,—стало для меня дорогимъ. И имъ, только имъ однимъ живу теперь и дышу. Въ свойственныя старости безсонныя ночи, когда меня одолѣваютъ немощи и боли, то о тѣхъ и другихъ почти забываю, когда вдругъ воскресаютъ въ памяти событія и образы, давно минувшіе. И вновь переживаю то, что было: прошлыя горести, печали, радости... И опять горюю я, печалюсь и радуюсь... Опять, какъ будто, живу настоящей, бьющей живымъ ключомъ жизнью... Величавые образы когда-то близкихъ, давно отошедшихъ въ вѣчность и рядомъ съ ними незначительныя личности и всякая мелкота, факты и событія изъ дали прошлаго вырисовываются предо мною съ поразительной яркостью, точно живыя. До чего живо воскресаютъ въ памяти иныя воспоминанія! До чего вырисовываются картины, сцены и лица! Кажется иногда, что дышишь даже воздухомъ прошлаго. И какъ пріятенъ тотъ воздухъ, и какъ живительно дѣйствуетъ онъ на ослабѣвшій старческій организмъ...

Какое великое благо въ воспоминаніяхъ, тѣмъ болѣе, когда есть что вспомнить, все равно: хорошее или дурное. Послѣднее вспоминается съ облегченіемъ, со спокойною удовлетворенностью, съ

сознаніемъ, что это ужъ прошло и никакой боли не причиняетъ. Не будь этихъ воспоминаній, старость была бы гораздо печальнѣе, мучительнѣе. Нахлынутъ воспоминанія, становится не только легко, но и радостно, не скажу — жить, а доживать, дотащиться до ожидаемаго конца. Вѣдь мы, старики, только о концѣ и думаемъ, и это — куда невесело. А потому только они — воспоминанія — красятъ наше существованіе, бодрятъ нашу старость. Пріятно забыться и забыть настоящее и воскрешать себя въ прошломъ. И опять — хоть въ мечтахъ, но видѣть себя молодымъ и, хоть мысленно лишь, вновь переживать свою молодость...

Замѣчательно. Предо мною, старикомъ, постоянно оживаютъ годы самой ранней юности и болѣе живо и выпукло вырисовываются памятью, чѣмъ годы расцвѣта моей дѣятельности: работы, борьбы, удачъ и неудачъ. Послѣднія точно померкли, обезцвѣтились и обезцѣнились и какъ бы только случайно вторгаются въ мои старческія думы, и моя стариковская память скупо ихъ оживляетъ. Въ мысляхъ о нихъ чувствуешь отсутствіе колорита, сочности переживанія. И, какъ отъ назойливыхъ мухъ, стараешься освободиться отъ надоѣдливыхъ думъ.

Итакъ, да здравствуетъ молодость и въ прошедшемъ—въ дѣйствительномъ, и въ настоящемъ—въ мечтахъ и сновидѣніяхъ. Право же, мечта равноцѣнна дѣйствительности; она такъ же пріятна, такъ же и краситъ и отравляетъ жизнь. Наконецъ, кто опредѣлитъ настоящую грань и скажетъ, гдѣ кончается въ жизни дѣйствительность и начинается мечта, и наоборотъ?...

Подѣлюсь съ читателемъ клочками моей жизни, какъ оживаютъ они въ моей памяти. Всѣ они въ прошломъ и все же живы для меня; живѣе нынѣшняго дня и нынѣшней дѣйствительности. Послѣдніе—нынѣшній день и нынѣшняя дѣйствительность—напоминаютъ мнѣ о себя старческими недугами, болями, безсонницей, отсутствіемъ радостей и упованій. То ли дѣло — думы о пережитомъ: онѣ бодрятъ и мирятъ съ жизнью.

Предупреждаю: никакой стройности, никакого систематическаго изложенія фактовъ и событій въ моихъ воспоминаніяхъ читатель не найдетъ. Не законченную автобіографію собираюсь написать, а хочу лишь передать бумагѣ разрозненные клочки изъ пережитаго мной въ томъ порядкѣ, въ какомъ воскрешаетъ ихъ нынѣ моя память, причемъ изложу, конечно, тѣ факты и событія моей личной жизни и жизни моихъ родныхъ, знакомыхъ и друзей, которые имѣютъ интересъ бытовой и историческій, а, слѣдовательно, и общественный.

Ну, кажется, все. На этомъ покончу съ предисловіемъ и приступлю къ воспоминаніямъ.

Равви Элій-гаонъ.

I.

Равви Элій былъ послѣднимъ «гаономъ» въ Израилѣ. Съ его кончиной этотъ титулъ никому ужъ не можетъ быть присвоенъ до пришествія ожидаемаго Мессіи. Сначала у евреевъ были патріархи: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, потомъ были пророки; послѣ пророковъ появились *танаи*. Они собрали «устное ученіе» (торетъ б'алъ-пэ)— Мишну, а слѣдовавшіе за «танаи» — «аммороимы» истолковали Мишну своими разъясненіями. Разъясненія эти извѣстны подъ заглавіемъ: «Гемора». А «Мишна» и «Гемора» въ соединеніи составляютъ Талмудъ. Съ завершеніемъ Талмуда исчезли «аммороимы», и появились гаоны. Такимъ образомъ, съ VI вѣка великіе во Израилѣ титуловались «гаонами» вплоть до начала XIX вѣка, и послѣднимъ гаономъ былъ равви Элій, который родился, жилъ и умеръ въ Вильнѣ въ первой четверти XIX столѣтія.

Почему начинаю свои воспоминанія съ гаона равви Элія, который умеръ почти за полвѣка до моего рожденія? Это станетъ понятно изъ нижеслѣдующаго.

Въ моей семьѣ почитаніе памяти гаона Элія вылилось буквально въ религіозный культъ. Во всѣ выдающіеся случаи нашей жизни родители мои отправлялись на старое кладбище и тамъ на могилѣ гаона плакали и молили, чтобы праведникъ заступился за нихъ предъ Богомъ, если дому нашему грозило несчастье; точно также они на его могилѣ справляли благодарственные молебны, когда ихъ постигали удачи, и поручали святому равви, чтобъ онъ адресовалъ ихъ моленія по назначенію, къ Господу Богу. Мои родители были убѣждены, что ихъ слезы, мольбы, благодарственные молебны и вообще всякія ихъ моленія скорѣе и вѣрнѣе доходятъ до Бога при посредничествѣ святого праведника. Кромѣ того, они крѣпко вѣрили, что святой, передавая Господу ихъ моленія, прибавляетъ къ нимъ и свои имъ на пользу. Много было этому доказательствъ. И не простыхъ, а прямо-таки чудесныхъ...

Чудеса гаона равви Элія сыграли немалую роль лично въ моей жизни, а потому и я не меньше моихъ родителей чтилъ память равви Элія и глубоко вѣрилъ въ его заступничество предъ Богомъ какъ за меня и моихъ родителей, такъ и за весь Израиль. Особое заступничество праведника за меня было дважды съ несомнѣнною очевидностью проявлено имъ, и выразилось оно въ томъ, что на первый разъ онъ спасъ меня отъ солдатчины, а въ другомъ случаѣ— отъ неминуемой вѣрной смерти.

Въ первую половину пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія обрушилась на евреевъ въ Россіи великая «гзейра» (несчастье), которая до сихъ поръ памятна евреямъ и извѣстна подъ назва-

ніемъ «гзейры» о «пойманникахъ». Ни молитвы, ни посты, ни даже большія взятки значительнымъ чиновникамъ не могли предотвратить эту «гзейру». Всѣ мѣропріятія евреевъ, и религіозны и матеріальныя, не вели ни къ чему. Всякія старанія въ этомъ направленіи разбивались о ясно и неуклонно выраженное высочайшее повелѣніе императора Николая I, состоявшее въ томъ, что всякое еврейское общество обязывалось неукоснительно доставить требуемый контингентъ солдатъ-евреевъ для пополненія состава русскаго войска. Дабы облегчить еврейскимъ обществамъ (кагаламъ) эту задачу, имъ было предоставлено право ловить всякихъ безпаспортныхъ евреевъ и сдавать ихъ въ солдаты. Кромѣ взрослыхъ людей, обществамъ предоставлялось сдавать и малолѣтнихъ, которыхъ зачисляли въ кантонисты. Кромѣ того, обществамъ предоставлялось право сдавать не только полный комплектъ рекрутовъ, но и сверхъ комплекта безъ ограниченія количества, и излишекъ принятыхъ зачислялся за ними въ дополненіе будущихъ рекрутскихъ наборовъ.

Жестокъ былъ указъ, и главнымъ образомъ въ той его части, которая касалась малолѣтнихъ. Исполненіе же указа сопровождалось такими ужасами, о которыхъ вспомнить даже не хочется. На этотъ разъ евреевъ постигла дѣйствительно великая «гзейра»!

Но и правительство не даромъ прибѣгло къ такимъ жестокимъ мѣрамъ въ то, замѣтить надо, жестокое время.

Къ отбыванію воинской повинности евреи впервые были привлечены въ Россіи въ 1844 году. Императоръ Николай I не любилъ евреевъ. Но надо отдать ему справедливость,—не любя ихъ, онъ все же пекся о нихъ, какъ о своихъ подданныхъ: онъ расширилъ ихъ права въ мѣстахъ ихъ пребыванія (въ чертѣ осѣдлости), открылъ для нихъ школы, насильно загонялъ ихъ въ эти школы; заставлялъ ихъ перемѣнить свой внѣшній видъ: подстригалъ имъ пейсы при посредствѣ полицейскихъ на улицахъ и площадяхъ; укорачивалъ имъ «лапсердаки», опять-таки при полицейской помощи. Однимъ словомъ, онъ стремился просвѣтить евреевъ, уничтожить ихъ обособленность и сдѣлать ихъ полезными и терпимыми подданными. Поступая такъ, онъ желалъ, чтобы евреи несли и всѣ обязанности русскихъ подданныхъ. И въ 1844 году онъ привлекъ ихъ къ исполненію воинской повинности. Прошло около десяти лѣтъ, и законъ этотъ остался почти мертвой буквой: евреи не доставляли и 12 процентовъ того количества солдатъ, какое съ нихъ требовалось. Да что и за солдаты были тѣ 12 процентовъ, которые они доставляли; это была никуда негодная дрянь: старики, кривые, хромые, чахоточные,—одно горе, а не солдаты. Какъ ни бились съ кагалами, какія мѣры ни предпринимались противъ кагаловъ,—ничто не помогло. Тогда-то и послѣдовалъ вышеупомянутый указъ.

Осуществленіе этого указа сопровождалось ужасами неслыханными, но въ нихъ правительство не было ужъ виновато, а были виноваты еврейскіе кагалы.

Кагалы организовали многочисленныя банды «хаперовъ» (ловцовъ) и разсылали ихъ въ сосѣдніе города и мѣстечки ловить взрослыхъ и дѣтей. Ловцы врывались въ дома и, случалось, забирали цѣлыя семьи. Хотя законъ предоставилъ имъ забирать только безпаспортныхъ, но хаперы этимъ не стѣснялись: паспорты отнимались и уничтожались. Больше всего хватали дѣтей, съ ними было меньше возни. Разумѣется, хаперамъ во многихъ случаяхъ оказывали сопротивленіе, отъ нихъ отбивались, какъ отъ разбойниковъ; въ стычкахъ съ ними доходили иногда до увѣчій съ той и другой стороны. Но хаперы являлись по большей части врасплохъ, вооруженные дубинами, и быстро справлялись со своими жертвами. Они нападали преимущественно на дома бѣдняковъ и ремесленниковъ и тамъ набирали свои жертвы; но, случалось, и домъ богатаго еврея подвергался нападенію.

II.

Вышеприведенный указъ императора Николая I засталъ нашу семью въ мѣстечкѣ Молодечно. Отецъ мой тогда ужъ потерялъ свое состояніе и поступилъ на службу къ своему дядѣ, подрядчику по строительной части. Въ Молодечнѣ дядя взялъ съ торговъ подрядъ перестройки зданія какого-то учебнаго заведенія, которая продолжалась болѣе двухъ лѣтъ. Какого учебнаго заведенія зданіе перестраивалось,—въ точности не помню. Должно быть, это было зданіе католической семинаріи. Думаю я такъ потому, что смутно припоминаются мнѣ юноши, одѣтые въ черное, которые гуляли по большому двору и, какъ теперь ихъ себѣ представляю, это были семинаристы. И что это были католики,—для меня несомнѣнно. Въ памяти моей запечатлѣлось, что нѣкоторые изъ нихъ ко мнѣ хорошо относились: заговаривали со мной, давали мнѣ груши, яблоки, забавлялись мной...

— Шенке, ходзь тутъ,—раздается до сихъ поръ въ моихъ ушахъ призывъ семинариста, а я на это отвѣчалъ:

— Ихъ гей (иду)... — и храбро ковылялъ къ пріятелю.

Матери моей не нравилась эта дружба моя съ паничами. Она боялась, чтобъ они меня не «отрефили»: чтобъ не вымазали мнѣ губы саломъ, или не накормили колбасой. Это и случалось нѣсколько разъ. Въ первомъ случаѣ, т.-е. когда мнѣ мазали губы свинымъ саломъ,—мать вытирала мнѣ ихъ до крови; а во второмъ случаѣ,—когда накормятъ колбасой,—давала мнѣ въ большомъ количествѣ касторку и тоже до крови терла мнѣ губы, языкъ и небо. Слезы мои ее не трогали, хотя она меня очень любила; понятно, она еще больше любила Бога и Его законы: она желала меня имѣть «кошернымъ», а не «трефнымъ». Я же, при моемъ тогдашнемъ возрастѣ (мнѣ шелъ пятый годъ), не понималъ этого и забы-

валъ наставленія матери, ея приказанія и даже шлепки и разныя непріятности въ родѣ касторки. И стоило мнѣ только услыхать:

— Шепке, ходзь тутъ...—и я непремѣнно отвѣчалъ:

— Ихъ гей (иду)...—и спѣшилъ къ пріятелю за подачкой.

Дядя-подрядчикъ жилъ постоянно въ Вильнѣ и работами по постройкѣ завѣдывалъ мой отецъ. У моей матери было свое занятіе. Она держала въ аренду право пропинацій (торговлю водкой). Водка у насъ продавалась только на выносъ и только ведрами и гарнцами (четвертями). Покупателями были содержатели постоялыхъ дворовъ и шинковъ; частнымъ лицамъ не продавали. Торговля, главнымъ образомъ, начиналась въ полдень и продолжалась часа два; остальное время было тихо. Такимъ образомъ, мать не особенно тяготилась своей торговлей, и у ней было много свободнаго времени для хозяйства. Отецъ съ утра до вечера былъ занятъ на постройкѣ. Онъ вставалъ очень рано, часа за два до начала работъ на постройкѣ, чтобы имѣть возможность не спѣша справиться съ утренней молитвой, которая отнимала у него около часа времени, почитать главу изъ Библіи, отдѣлъ Мишны, листъ Талмуда. Затѣмъ онъ спѣшно завтракалъ и отправлялся на постройку. Мать вставала, когда отецъ ужъ давно уходилъ.

Мы занимали цѣлый домикъ, состоявшій изъ передней и примыкающей къ ней кухни и трехъ комнатъ. Первая комната была очень большая и имѣла пять оконъ. Въ ней мебели почти не было, да въ ней и не жили. Направо отъ входа, у стѣны, на низенькихъ подставкахъ въ рядъ лежали до десяти громадныхъ бочекъ съ мѣдными, блестящими, какъ золото, кранами, наполненныя водкой и спиртомъ. Подъ каждымъ краномъ стоялъ мѣдный тазъ, въ каковой изъ неисправнаго крана каплями падали спиртъ и водка, отчего воздухъ въ этой комнатѣ стоялъ тяжелый, опьяняющій. У противоположной стѣны, у средняго окна стоялъ небольшой столъ съ двумя выдвижными ящиками и двѣ табуретки. У остальныхъ стѣнъ стояло по узенькой скамейкѣ. Здѣсь торговала моя мама, и дверь въ этой комнатѣ была всегда тщательно закрыта, дабы предохранить отъ спиртнаго запаха слѣдующія. Вторая комната, тоже довольно большая, служила намъ столовой, гостиной, залой и спальней нашему приказчику Боруху и мнѣ. Въ послѣдней компатѣ спали отецъ, мать и двухлѣтній братъ мой, Янкельке.

Я уже говорилъ, что отецъ вставалъ очень рано. Тихонько, на цыпочкахъ, изъ спальни онъ проходилъ чрезъ среднюю комнату и входилъ въ первую. Тамъ на одной изъ скамеекъ для него съ вечера ставили кувшинъ съ водой и тазъ. Онъ трижды ополаскивалъ сначала лѣвую руку, потомъ правую, какъ это предписано, а потомъ ужъ мылъ лицо. Свое омовеніе онъ совершалъ впоть-

махъ. Впотьмахъ же произносилъ онъ шопотомъ пять установленныхъ краткихъ предварительныхъ молитвословій и затѣмъ ужъ зажигалъ «сточикъ»: тоненькую, длинную, въ нѣсколько саженъ восковую свѣчу, свернутую въ клубокъ. Изъ праваго выдвижного ящика стола доставалъ онъ шелковую торбу, въ которой хранились его молитвенныя принадлежности—«талетъ» и «тефилинъ» (шерстяная простыня съ серебряною вышивкой одного ея края и съ «цицесъ»—висящими нитями на всѣхъ четырехъ концахъ ея и филактеріи). Онъ вынималъ изъ торбы сначала «талетъ», благоговѣйно цѣловалъ его трижды и откладывалъ въ сторону; потомъ доставалъ изъ большой торбы другую, маленькую, въ которой хранились «тефилинъ» (филактеріи). Оголивъ лѣвую руку, онъ закрѣплялъ священный кубикъ на внѣшнемъ ея сгибѣ, семь разъ оборачивалъ «рецуе» (священный ремень) вокругъ локтя такъ, чтобы послѣдній оборотъ приходился у самой ладони, на которой онъ также наворачивалъ «рецуе» такимъ образомъ, чтобы на наружной сторонѣ ладони образовалась буква «шинъ» (ша), первая буква слова «Шадай» (одно изъ наименованій Іеговы). Другую филактерію онъ надѣвалъ на верхушкѣ лба такъ, чтобы кубикъ совпадалъ съ прямой линіей къ вершинѣ носа. Покончивъ съ филактеріями, онъ разворачивалъ «талетъ», прикрывался имъ сначала чрезъ голову, потомъ опускалъ его на плечи и приступалъ къ молитвѣ.

Я всегда просыпался одновременно съ отцомъ и любилъ присутствовать какъ при его приготовленіяхъ къ молитвѣ, такъ и при самой молитвѣ. Если не одновременно съ отцомъ, то во всякомъ случаѣ раньше, чѣмъ успѣвалъ онъ зажигать «сточикъ», я ужъ присоединялся къ нему. Одѣтый въ шубенку на заячьемъ мѣху, въ валенкахъ, ермолкѣ съ шапкой и завернутый въ большую простыню, которую я бралъ со своей кроватки, и которая замѣняла мнѣ «талетъ», я тихонько усаживался на табуреткѣ противъ отца и подпѣвалъ за нимъ. Отецъ одобрительно кивалъ мнѣ головой въ промежуткахъ между молитвами. Иногда онъ выставлялъ мнѣ свой лѣвый локоть, и я цѣловалъ кубики филактеріи. Бывало онъ при этомъ спрашивалъ меня:

— Что, Шепинке, что, сынокъ мой, первенецъ мой, сладко?

— Сладко, отецъ, очень сладко,—отвѣчалъ я и даже облизывался.

— Да, да, что можетъ быть слаще святыни и молитвы Господу...

— И «цдоке» (благотворительность) тоже сладко,—прерывалъ я.

— Да, да, и «цдоке»...—одобрительно кивалъ отецъ головой, выпрямлялся и продолжалъ молиться.

Изъ утреннихъ самая важная молитва считается «шмейне-эсре» (семнадцатичленная). Она состоитъ изъ семнадцати отдѣльныхъ маленькихъ молитвъ. Она не читается вслухъ, а произносится тихимъ шопотомъ, стоя, съ закрытыми глазами и непремѣнно съ

устремленнымъ внутреннимъ взоромъ къ востоку, къ существующимъ далеко, далеко, въ Святой Землѣ остаткамъ развалинъ іерусалимскаго храма. Эту молитву нельзя прервать даже въ томъ случаѣ, если молящемуся угрожаетъ смерть. Когда отецъ, бывало, читалъ «шмейне-эсре», я громко дышать не смѣлъ и замиралъ.

III.

И вотъ, однажды,—это было въ пятницу,—когда отецъ произносилъ молитву «шмейне-эсре», вдругъ съ шумомъ и трескомъ раскрылась внутренняя дверь, и мать моя, полураздѣтая, безъ парика, съ распущенными волосами, словно ураганъ, ворвалась къ намъ съ плачемъ и крикомъ.

Она прямо бросилась ко мнѣ, обхватила обѣими руками, приподняла и такъ крѣпко прижала къ своей груди, что кости мои захрустѣли и мнѣ стало больно.

— Не отдамъ... Не отдамъ,—рыдая и цѣлуя меня, выкрикивала она:—первенецъ ты мой... Корона головы моей!.. Жизнь свою отдамъ, а тебя спасу!.. Спасу!.. Калменъ, Калминке!—продолжала она выкрикивать, не спуская меня съ рукъ и все больнѣе и больнѣе сжимая меня въ своихъ объятіяхъ: — ой, а грейсе цоре... а цоре а грейсе (большое несчастье... великое несчастье)!..

Отецъ, какъ стоялъ, обернувшись къ восточной стѣнѣ, такъ и продолжалъ стоять и молиться шопотомъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на выкрики матери.

— Что же ты, Калменъ?—еще громче крикнула она и сдѣлала шагъ впередъ. Но вдругъ она остановилась и затихла.—Онъ произноситъ «шмейне-эсре»... А я-то, я-то...—прошептала она сокрушенно и быстро удалилась въ свою спальню, унеся меня на рукахъ.

Она уложила меня на свою кровать, прикрыла чрезъ голову периной и шопотомъ произнесла:

— Лежи тихо, тихо... Не двигайся, не поворачивайся, а то замѣтятъ и отнимутъ тебя у меня...

Я, конечно, былъ очень испуганъ и не могъ не плакать; но плакалъ я тихо, вѣрнѣе, еле-еле всхлипывалъ, проглатывая свои слезы. Сколько времени пролежалъ я, прикрытый периной? Вѣроятно, не особенно долго, но мнѣ казалось, что прошла цѣлая вѣчность, пока мать вспомнила обо мнѣ, освободила отъ перины, опять взяла на руки, крѣпко прижимая къ груди, и молча понесла къ отцу

Я замѣтилъ, что за это время она привела въ порядокъ свой костюмъ, и это подѣйствовало на меня успокоительно.

Отца мы застали въ тотъ моментъ, когда онъ задомъ отходилъ на три шага отъ стѣны и отплевывался, какъ это и полагается въ концѣ молитвы «шмейне-эсре». Когда онъ опять приблизился къ

стѣнѣ, онъ наконецъ обернулся къ намъ лицомъ и, укоризненно качая головой, произнесъ:

— Ахъ, Хане, Хане, развѣ это можно? Еврей произноситъ «шмейне-эсре», и ему помѣшать!..

— Мой грѣхъ!.. Мой грѣхъ!..—отвѣтила мать плачевнымъ голосомъ.—Но я такъ напугана, такъ напугана! Калминке, я очень напугана...—и она разрыдалась.

— Успокойся, Ханеле... Успокойся, жена моя, и скажи: чѣмъ ты напугана?

Мать сжала меня такъ крѣпко, что я закричалъ отъ боли и она еще громче зарыдала.

— Оставь, Ханеле, ребенка, и скажи, что случилось?

— Ребенка оставить?.. Оставить ребенка!..—всхлипывая, произнесла мать.—Нѣтъ, не оставлю его... Не оставлю...—и опять громкій плачъ, и опять прижиманіе меня къ груди.

— Скажешь, наконецъ, что случилось?—возвысилъ отецъ свой голосъ. Онъ, очевидно, началъ сердиться, что мѣшаютъ ему окончить молитвы.

— У меня было видѣніе... Я видѣла сонъ!..—со стономъ произнесла мать.

— Сонъ?..

— Да, сонъ, сонъ!.. Страшный сонъ!..

— Ну, что такое сонъ?.. Сны не всегда сбываются... Бываютъ глупые сны...

— Не говори, не говори, Калминке!.. Я видѣла во снѣ его!.. Онъ, онъ самъ явился мнѣ во снѣ!..

— Кто? Кто явился?..

— Самъ равви!.. Гаонъ Элій!..

— Равви Элій, гаонъ?!.—и отецъ мой, очевидно, смутился.

— Я видѣла его, какъ вижу теперь тебя,—быстро заговорила мать:—онъ тоже былъ завернутъ въ «талетѣ», на головѣ его серебряный край «талета» блестѣлъ, какъ золотой вѣнецъ, а на лбу точно звѣзда сіялъ «тефилинъ»... Онъ былъ такой красивый, какъ ангелъ... И такой строгій!.. Ой, какой строгій!.. Я такъ была счастлива, что вижу его, но мнѣ сдѣлалось такъ страшно,. Калминке, мнѣ такъ страшно сдѣлалось... А онъ смотрѣлъ на меня и кивалъ головой... Потомъ онъ заговорилъ, и я совсѣмъ испугалась...—мать умолкла, вѣроятно, припоминая подробности сна.

— Ну,—нетерпѣливо перебилъ отецъ наступившее молчаніе:—что же дальше?

— Дальше было еще страшнѣе... Охъ, Калминке, какъ страшно!.. Голосъ равви Элія былъ такой печальный и такой строгій... Онъ наклонился ко мнѣ и сказалъ: Хане «эйшесъ Калменъ» (жена Калмана), несчастье грозитъ твоему дому! Злой «шедъ» (чортъ) хочетъ поразить тебя въ самое еврейское твое сердце; онъ хочетъ,

чтобъ ты сдѣлалась несчастной матерью!.. Я затрепетала отъ страха и слушала, какъ равви говорилъ дальше. «Шедъ» (чортъ) направитъ въ домъ твой хаперовъ (ловцовъ), чтобы схватить твоего первенца и отдать его иновѣрцамъ!.. Такъ вотъ, я пришелъ предупредить тебя и сказать: оберегай своего первенца, дабы не попалъ онъ къ иновѣрцамъ...»

Мать замолчала и тихо заплакала. Отецъ точно застылъ въ страхѣ.

— Вотъ что, Хане,—заговорилъ онъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.—Мнѣ нужно окончить молитвы; бери съ собой Шепенку и уходи въ спальню. Да ты не плачь и не очень горюй: Богъ на нашей сторонѣ, если Онъ предупредилъ насъ о несчастіи чрезъ избранника Своего, гаона равви Элія! Мы примемъ мѣры и сбережемъ наше дитя...

— Какія же мѣры?—всхлипнула мать.

— Говорю тебѣ: дай окончить молитвы... Ну, иди себѣ, иди... И не плачь...

Мать опять унесла меня въ спальню и спрятала подъ периной.

Когда отецъ окончилъ молитву, онъ пришелъ въ спальню.

— Ой, Хане, отъ страха ты лишилась разсудка и дѣлаешь глупости,—заговорилъ отецъ, высвобождая меня изъ-подъ перины.—Мальчикъ могъ задохнуться: ты такъ плотно его прикрыла... Какъ будто перина защитила бы его отъ «хаперовъ», если бъ они явились сюда... Садись, мальчикъ, ко мнѣ на колѣни и не бойся...

— Я не боюсь,—произнесъ я, чувствуя себя въ безопасности у отца на колѣняхъ.

— И хорошо, не бойся. Ну, теперь и подумаемъ, какъ быть,—обратился отецъ къ матери.—Садись, Ханеле, и давай подумаемъ!..

Мать присѣла рядомъ съ отцомъ и долго молча думали. Я затаилъ дыханіе и со страхомъ смотрѣлъ то на отца, то на мать. Несмотря на юный мой возрастъ, серьезность момента я вполнѣ понималъ. Отецъ все время теръ лѣвой рукой лобъ, словно выжимая мысли изъ головы, а мать сидѣла пригорюнившись, словно застывши въ своемъ горѣ. Такъ продолжалось долго, очень долго. Вдругъ отецъ прервалъ молчаніе громкимъ вздохомъ и произнесъ:

— У меня много плановъ, и не знаю, на какомъ остановиться... Вотъ выслушай меня и обсудимъ...

И отецъ тихимъ шопотомъ сталъ излагать разные планы, какъ спрятать и скрыть меня отъ хаперовъ.

Мать все качала отрицательно головой и не одобряла его плановъ. Одинъ изъ нихъ даже вызвалъ у ней гнѣвное негодованіе. Это когда отецъ предложилъ спрятать меня въ домѣ архитектора Зарембы, который состоялъ при казенной нашей постройкѣ и съ которымъ отецъ очень дружилъ, т.-е. давалъ ему часто взятки. Мать привскочила даже съ мѣста, не ожидая такого невѣроятнаго

плана отца. Она пришла въ негодованіе и гнѣвно заявила, что скорѣе согласится собственными руками убить своего первенца, чѣмъ помѣстить его въ домъ «гоя», гдѣ его могутъ отрефить... Лучше видѣть ей своего сына мертвымъ, чѣмъ отрефленнымъ!.. закричала она.

— Ну, ну, успокойся; вѣдь я это такъ...—оправдывался отецъ:— я думалъ...

— Нельзя такъ думать, нельзя...—не хотѣла угомониться мать:— какъ могло тебѣ прійти въ голову отдать на «отрефленіе» собственнаго сына?.. Такой большой грѣхъ!.. Такой большой грѣхъ!.. Это либо ты разума лишился, либо «шедъ» подсказалъ тебѣ такой безбожный планъ?.. Тьфу, тьфу, тьфу!—и мать стала отплевываться. Когда она успокоилась и утихла, отецъ заявилъ, что остается только одно: отбиваться отъ хаперовъ.

— Ну, и будемъ отбиваться и повѣрь, Богъ намъ поможетъ, Калминке,—совершенно, повидимому, успокоившись, рѣшительно одобрила мать.—И такъ это и будетъ,—увѣренно добавила она:— не даромъ равви Элій, гаонъ, будь благословена его память, самъ явился предупредить насъ...

IV.

Дальнѣйшая бесѣда между отцомъ и матерью тянулась до утренняго разсвѣта, но происходила она безъ волненій, спокойно и имѣла исключительно дѣловой характеръ. Въ заключеніе было рѣшено, что самыхъ здоровыхъ рабочихъ по постройкѣ отецъ уговоритъ ночевать въ первой комнатѣ нашей квартиры. Онъ пересчиталъ по пальцамъ, называя ихъ по имени, и насчиталъ болѣе двухъ десятковъ человѣкъ. Это были все силачи, богатыри. Съ такими силачами не трудно будетъ отбиться отъ любой банды хаперовъ, тѣмъ болѣе, когда рабочіе будутъ вооружены палками, дубинами, ломами и кочергами. Конечно, въ дракѣ имъ попадетъ; нѣкоторые, пожалуй, получатъ увѣчья. Ну, ихъ придется вылечивать на свой счетъ и вознаградить за увѣчья. Но что дѣлать, безъ этого ужъ нельзя обойтись? Стали обсуждать, уляжется ли такая масса людей на полу въ первой комнатѣ и не надо ли будетъ часть ихъ помѣстить на полу второй комнаты? Вопросъ этотъ не былъ окончательно рѣшенъ, такъ какъ въ точности не было еще извѣстно количество людей, потребныхъ для охраны. Отецъ утверждалъ, что два десятка вполнѣ достаточно, а мать настаивала на количествѣ вдвое большемъ. И о многомъ другомъ бесѣдовали мои родители, пока не стало свѣтать.

— Ну, мнѣ пора,—засуетился вдругъ отецъ:—ужъ Талмуда почитать мнѣ сегодня не придется. Помоги мнѣ, Боже, хоть главу изъ Мишны одолѣть до начала работъ...

И отецъ ушелъ изъ спальни. Мать уложила меня опять въ своей кровати, прикрыла периной, но ужъ только до шеи, а не чрезъ голову, омочила пальцы рукъ водой, вытерла ихъ фартукомъ и вполголоса запѣла утреннія молитвы.

Мать не выпустила меня не только изъ спальни, но и изъ кровати до полудня. Когда она уходила, запирала меня на ключъ и приказывала не сойти съ кровати и не сбросить съ себя перину. Но очень часто приходила она меня провѣдать, приносила сласти и утѣшала.

Мнѣ было и боязно, и тоскливо; но я не жаловался и не плакалъ. Я сознавалъ, что это не наказаніе за шалости, а для спасенія меня отъ большой бѣды запираютъ меня.

Когда отецъ пришелъ завтракать, меня выпустили изъ спальни. Онъ объяснилъ, что днемъ нѣтъ никакой опасности, что хаперы днемъ никого не ловятъ въ городахъ и мѣстечкахъ, а промышляютъ только по проѣзжимъ дорогамъ, гдѣ ловятъ одинокихъ путниковъ.

Во время завтрака отецъ разсказалъ, что онъ набралъ тридцать одного человѣка для охраны, между ними и рябой силачъ плотникъ Шмуль и не меньшій силачъ, косоглазый Айзикъ, печникъ; да и всѣ прочіе, какъ на подборъ, крѣпыши. Всѣ они придутъ, какъ только кончится работа, будутъ съ нами встрѣчать субботу,—мы ужъ дома помолимся и въ синагогу не пойдемъ,—и останутся у насъ до утра...

— Значитъ, мнѣ на всю эту ораву готовить ужинъ?—взволнованно перебила мать.

— Непремѣнно,—отвѣтилъ отецъ:—какъ стемнѣетъ, намъ ни минуты нельзя безъ охраны...

— Но гдѣ же я наберу столько «хале» (субботній хлѣбъ), да и фаршированной рыбы у меня не хватитъ для всѣхъ... А «цимесъ», ты думаешь, я успѣю на всѣхъ наготовить?..

— Должна успѣть, на то ты и хорошая хозяйка.

— У меня голова начинаетъ трескаться, а все не придумаю, какъ мнѣ быть съ хале; вѣдь тѣсто надо было вчера съ вечера ставить; да и столько рыбы у меня нѣтъ, чтобъ всѣхъ накормить... А если рыбу еще достать, то не успѣешь ее нафаршировать...

— Ну, о чемъ ты хлопочешь, Хане,—успокоилъ ее отецъ.— Хале не хватаетъ, такъ купи готовыя булки; приготовь рубленыя селедки, и это сойдетъ за рыбу... Но «цимесъ», постарайся, чтобы на всѣхъ хватило... И всѣ останутся довольны прекраснымъ ужиномъ.

— Непріятно мнѣ, но я вынуждена такъ сдѣлать,—съ сокрушеніемъ проговорила мать:—но стыдъ какой!.. Какой стыдъ! Скажутъ, что это я отъ скупости такой непарадный ужинъ приготовила для встрѣчи субботы!..

— Но вѣдь будетъ же «цимесъ», значитъ и парадъ будетъ,—

утѣшалъ отецъ:—забылъ я тебѣ сказать,—продолжалъ онъ:—что Янукъ и Стасъ сами вызываются тоже у насъ ночевать...

— Янукъ и Стасъ?..—радостно перебила мать.

— Да, Янукъ и Стасъ...

— Ай, какъ это хорошо!.. Какъ хорошо!.. Они такіе буяны!.. Они умѣютъ драться, какъ настоящіе разбойники... И Янукъ и Стасъ каждый изувѣчитъ цѣлый десятокъ евреевъ... Пускай придутъ хаперы,—Янукъ и Стасъ ихъ до смерти изобьютъ?..

Вдругъ мать пригорюнилась и озабоченно продолжала:

— Но куда мы дѣнемъ этихъ «орейлимъ» (необрѣзанныхъ)? Гдѣ же мы ихъ спать положимъ?.. Нельзя же эту нечисть помѣстить въ комнатѣ съ евреями. И евреи не захотятъ рядомъ съ ними спать...

— Конечно, не захотятъ?.. Дѣлать нечего, скажу Януку и Стасу, чтобы не приходили.

— Ой, Калменъ, не дѣлай этого. Пускай Янукъ и Стасъ приходятъ... Я на нихъ больше надѣюсь, чѣмъ на десятки евреевъ... Ой, пускай они приходятъ... Я имъ и водку дамъ выпить и рубленой селедкой накормлю... Я ихъ угощу на славу, и они изувѣчатъ хаперовъ...

— Но гдѣ же мы ихъ спать положимъ?—перебилъ отецъ.

— Надо ихъ гдѣ-нибудь положить... Придумаемъ, Калминке... Знаешь, я готова даже нашу спальню предоставить имъ...

— Ну, этого нельзя.

— Разумѣется, нельзя; но если бъ можно было, я бы не отказалась...—Вдругъ мать просіяла.—Такъ мы и сдѣлаемъ,—продолжала она:—Фрейде (наша кухарка) будетъ ночевать во второй комнатѣ, Борухъ перейдетъ въ первую, мы туда перенесемъ его кровать, а Стасъ и Янукъ будутъ ночевать на кухнѣ...

На этомъ и порѣшили.

Послѣ завтрака отецъ взялъ меня съ собой на постройку. Евреи-рабочіе встрѣтили меня съ привѣтствіями. Столяры дали мнѣ играть стамесками; маляры—кисточками; другіе рабочіе тоже старались меня развлекать орудіями своего мастерства; и всякій изъ нихъ почиталъ своимъ долгомъ заявить мнѣ, что бояться не слѣдуетъ, что не дадутъ меня въ обиду и что хаперамъ не сдобровать, если они осмѣлятся прійти забрать меня. Участіе ихъ ко мнѣ было мнѣ весьма пріятно, и я очень весело провелъ время до окончанія работъ.

Мы пришли съ отцомъ домой еще засвѣтло. Въ домѣ все уже было убрано и готово для встрѣчи субботы. Мать поспѣшила обрадовать отца, что «хале» она достала вдоволь и на всѣхъ хватитъ, и что фаршированной рыбы, если нарѣзать ее маленькими кусками, тоже каждому достанется, хотя холодной рыбы на «сопе-судесъ» (третья субботняя трапеза) не останется ни куска, но съ этимъ

надо ужъ помириться. И селедокъ она нарубила много; хотя это, пожалуй, и лишнее, но надо же накормить евреевъ досыта.

Еще совсѣмъ засвѣтло, только что мать успѣла зажечь «шабасовыя» свѣчи, явились и рабочіе. Всѣ почти въ чистыхъ платьяхъ, умытые и причесанные. Начали сейчасъ же справлять «шабашъ»: отецъ, за кантора, пропѣлъ «Встрѣчу субботѣ»; рабочіе чинно и умѣло ему вторили; прочитали вечернія молитвы, помыли руки и сѣли за столъ. Отецъ на этотъ разъ совершилъ «кидешъ» (освященіе субботы), пользуясь не обычнымъ, маленькимъ серебрянымъ бокаломъ, наполненнымъ изюмнымъ виномъ, а бокаломъ огромныхъ размѣровъ, такъ что содержимаго его хватило для всѣхъ, разумѣется, по маленькому глотку. Трапеза прошло довольно шумно, но не весело. Мать все время не спускала съ меня глазъ и тяжело вздыхала; отецъ, хоть и храбрился, но тоже посматривалъ на меня съ тревогой. Но это не помѣшало имъ обоимъ усиленно потчевать гостей, хотя послѣдніе въ этомъ совершенно не нуждались: аппетитъ у нашихъ гостей былъ хорошій, и каждый изъ нихъ во славу невѣсты-субботы старался изо всѣхъ силъ насыщаться. Съ одинаковой охотой уничтожали они и фаршированную рыбу, и рубленную селедку, а о «цимесѣ», и говорить нечего...

Къ концу трапезы пришли Стасъ и Янукъ. Мать имъ очень обрадовалась и повеселѣла. Это были мѣстные мѣщане, сжившіеся съ евреями, знавшіе всѣ еврейскіе обычаи и праздники и умѣвшіе говорить на еврейскомъ жаргонѣ, какъ любой еврей.

— Гутъ шабесъ, иденъ (съ доброй субботой, евреи)!..—произнесли оба въ одинъ голосъ привѣтствіе.

— Спасибо вамъ, спасибо,—поднялась имъ мать навстрѣчу.—Вотъ я васъ сейчасъ угощу... Хорошо угощу, а вы ужъ хаперовъ угостите, если они придутъ, и спасите отъ нихъ моего сына...

— Будь покойна, хозяйка, угостимъ хаперовъ,—отвѣтилъ Янукъ.—Такъ угостимъ, что не забудутъ нашего угощенія!..

И онъ вытянулъ впередъ правую руку съ огромнымъ сжатымъ кулакомъ. И Стасъ тоже, но молча, показалъ и свой огромный кулачище.

— У насъ и дубины здоровыя есть,—добавилъ Янукъ.—Ничего, зададимъ имъ «цимесъ»...

Мать съ восхищеніемъ осмотрѣла ихъ здоровые кулаки и съ радостной улыбкой прислушивалась къ словамъ Янука.

— Вы ужъ постарайтесь для насъ,—проговорила она, дружески улыбаясь:—и завтра я вамъ цѣлую кварту водки поднесу... Теперь къ ужину я вамъ полкварты дамъ... И закуску знатную получите... А вы только постарайтесь...

И мать подала имъ графинчикъ водки съ закуской, дѣйствительно, знатной: и цѣлую «хале», и рубленную селедку, и огромный кусокъ фаршированной рыбы (въ скобкахъ замѣчу: не всѣмъ евреямъ

досталась къ ужину рыба, а для нихъ былъ все же оставленъ огромный кусокъ) и даже полную, съ верхомъ, тарелку «цимеса».

Янукъ и Стасъ приняли все съ удовольствіемъ, благодарили и отправились, по указанію матери, на кухню, гдѣ и поужинали и улеглись спать.

Нашъ ужинъ тоже скоро кончился, и всѣ мы тоже отправились на покой. Рабочіе всѣ улеглись вповалку на полу въ первой комнатѣ, тамъ же помѣстился Борухъ на своей кровати, а родители мои и я въ спальнѣ, куда была перенесена моя кроватка. Раньше, чѣмъ лечь, отецъ осмотрѣлъ всѣ ставни въ домѣ: тщательно ли они привинчены.

Лежа въ постели, мать съ особымъ усердіемъ, и на этотъ разъ не шопотомъ, а громко, прочитала «кришме» и настойчиво умоляла ангеловъ Гавріеля, Михоеля и Касріеля не отлучаться во время нашего сна и стоять для охраны насъ отъ «шейдимъ» и «катлецонимъ» (чертей и злыхъ духовъ) на назначаемыхъ имъ мѣстахъ: Гавріелю—съ правой стороны, Михоелю—съ лѣвой, а Касріелю—у изголовья.

Но и по окончаніи «кришме» мать долго сама не могла заснуть и не давала спать отцу и мнѣ. Она шопотомъ высказывала свои опасенія, и отецъ ее успокаивалъ, пока наконецъ не разсердился и заявилъ ей, что она ума лишилась, и что она во всякомъ случаѣ поглупѣла отъ страха и что онъ ей больше не отвѣтитъ, потому что онъ хочетъ спать. Отецъ шумно повернулся къ стѣнѣ на своей кровати, и вскорѣ въ спальнѣ раздался его тихій храпъ. Мать еще долго ворочалась съ боку на бокъ и вздыхала. Наконецъ все затихло въ спальнѣ: заснула мать, заснулъ и я...

V.

Долго ли мы всѣ мирно спали? сказать не могу. Проснулся я отъ страшнаго шума и крика у матери на рукахъ. Она взяла меня съ моей кровати, перенесла на свою, уложила къ стѣнѣ и сама усѣлась рядомъ. Она была въ одной сорочкѣ, ноги ея были оголены, волосы не прикрыты и распущены, глаза зайлаканы. Она то прислушивалась къ шуму и крику, то ощупывала меня руками, чтобы увѣриться, что я на мѣстѣ, при ней, цѣлъ и невредимъ, вздыхала, шевелила губами, вѣроятно, молилась, и слезы неудержимо лились изъ глазъ ея; но громко она не плакала, чтобъ меня еще болѣе не напугать и чтобъ голосомъ своимъ не привлечь вниманіе хаперовъ на спальню. А шумъ и гвалтъ доходилъ до насъ адскій: ругательства, удары, крики, стоны, все это образовало какой-то ужасный гулъ, всѣ голоса смѣшались, и нельзя было различить, какой кому принадлежитъ... И весь этотъ адъ продолжался долго, и казалось, конца ему не будетъ... Но вдругъ среди этого адскаго гула раздался такой ужас-

ный крикъ, неизвѣстно кому принадлежавшій, который покрылъ собою всѣ другіе голоса и крики. Въ этомъ крикѣ почувствовалась такая боль, что мать затрепетала вся и настолько забылась, что сама закричала:

— Боже, Боже Ты мой! человѣка убили!..

И она бросилась къ двери. Къ счастью, она оказалась запертой. Это отецъ предусмотрительно заперъ ее на ключъ, когда уходилъ изъ спальни, чтобъ принять участье въ битвѣ съ хаперами.

Скоро послѣ этого раздиравшаго душу крика шумъ уменьшился, сталъ все болѣе и болѣе затихать и, наконецъ, совсѣмъ почти затихъ. Послышался звукъ ключа въ двери спальни, дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ. Онъ былъ блѣденъ, безъ ермолки на головѣ, на лбу его былъ большой шрамъ, и изъ него сочилась кровь, которой было испачкано все лицо, руки его тоже были испачканы кровью, платье на немъ было во многихъ мѣстахъ изорвано, но, тѣмъ не менѣе, онъ весело улыбался и ликующе проговорилъ:

— Богъ помогъ, отбились!..

— Но, Калминке, въ какомъ ты видѣ!..—возбужденно крикнула мать и ринулась къ нему.

— А ты въ хорошемъ видѣ?—съ усмѣшкой, ласково отстранилъ онъ отъ себя мать.—Раздѣтая, съ непокрытой головой... Развѣ такъ подобаетъ благочестивой еврейкѣ...

Мать бросилась къ своимъ платьямъ, но не успѣла справиться со своимъ туалетомъ, какъ въ спальню вошли Янукъ и Стасъ.

— Ай, ай, ай!.. Вей миръ!...—закричала мать.—Уходите!.. Уходите!..

— Постой, хозяйка, не гони насъ!..—сказалъ Янукъ.

— Не гони насъ,—поддержалъ товарища Стасъ.

— Мы твоего сына отстояли...—сказалъ Янукъ.

— Отстояли, отстояли твоего сына!..—опять поддержалъ Стасъ.

— Ты намъ обѣщала бутылку водки...

— Уходите и подождите въ той комнатѣ,—вмѣшался отецъ.—Срамъ какой, не видите, что она не одѣта?..

— Ну, какой тутъ срамъ,—сказалъ Янукъ.—Тутъ чужихъ нѣтъ; а мы—свои...

Все-таки они ушли въ другую комнату. Когда мать одѣлась, она вышла къ нимъ и дала водку. Отецъ помылся, переодѣлся и вообще привелъ себя въ надлежащій видъ.

— Стасу вывихнули правую руку,—сказала мать, возвратившись въ спальню.—Онъ говорилъ, что ему очень больно.

— Всѣмъ досталось... Всѣмъ больно...—сказалъ отецъ.

— Разскажи, Калминке, что тамъ было?

Отецъ разсказалъ.

Хаперы выбили окно и ворвались въ первую комнату. Они

потушили шабасовую свѣчу и въ темнотѣ хотѣли перевязать всѣхъ рабочихъ, которые послѣ сытнаго ужина крѣпко спали. Двухъ они успѣли такъ крѣпко связать, что ихъ только послѣ драки развязали. Янукъ и Стасъ услышали шумъ и пришли со свѣчкой; они поспѣли какъ разъ во время, такъ какъ, когда одни изъ хаперовъ перевязывали спящихъ, другіе собирались выломать двери, чтобъ забраться въ спальню. Первымъ дѣломъ Стасъ своей дубиной прогналъ хаперовъ отъ двери и началъ съ ними драться, а Янукъ поднялъ большой крикъ, и всѣ евреи проснулись. Свѣчка была потушена. Дрались впотьмахъ и кто кого билъ—неизвѣстно; попадало и своимъ отъ своихъ? Ничего разобрать нельзя было въ темнотѣ... Стасъ все время стоялъ спиной къ двери и охранялъ ее. Если кто-нибудь подходилъ, онъ билъ его дубиной и гналъ прочь. Отъ него здорово досталось многимъ. Къ нему кто-то подкрался и схватилъ его дубину обѣими руками, но Стасъ держался за нее крѣпко, хотя противникъ вывихнулъ ему лѣвую руку. На помощь Стасу подоспѣлъ Янукъ и ломомъ ударилъ хапера такъ сильно по ногамъ, что раздробилъ ему кости. Раненый такъ закричалъ отъ боли, что всѣ испугались и перестали драться. Янукъ зажегъ свѣчку. У самыхъ дверей лежалъ хаперъ съ переломанной ногой и стоналъ. Это былъ Симха-Беръ, извѣстный силачъ и главный хаперъ, распорядитель банды. Тогда всѣ хаперы очень перепугались и убѣжали. Симхѣ-Беру перевязали ногу и перенесли въ кухню, тамъ онъ и остался лежать...

— Ой, Калменъ, его надо выбросить на улицу,—перебила мать разсказъ.—Пускай онъ тамъ околѣетъ, какъ собака, а не въ нашемъ домѣ...

— Что ты, что ты, Хане,—возразилъ отецъ.—Симха-Беръ все же еврей, а еврея оставить въ такомъ положеніи грѣхъ!..

— Но онъ разбойникъ!.. Онъ хаперъ!..—не унималась мать—Онъ грѣшникъ!..

— За грѣхи свои и разбои онъ дастъ отвѣтъ Богу... И почему мы знаемъ? Онъ можетъ еще раскаяться и умереть смертью праведника... Вѣдь еврей все-таки остается евреемъ..

Мать притихла и больше не настаивала на своемъ: съ резонами отца не могла она не согласиться.

Все мѣстечко было поражено событіемъ въ нашемъ домѣ. Но не тѣмъ, что на нашъ домъ напали хаперы, это было въ то время обычно, а тѣмъ, что Элій-гаонъ явился матери во снѣ и предупредилъ ее о готовящемся несчастіи. Евреи усмотрѣли въ этомъ великое знаменіе для моей будущности и полагали, что мнѣ предназначено стать со временемъ великимъ во Израилѣ. И мать моя охотно этому вѣрила, и, кажется, еще болѣе полюбила меня, чѣмъ раньше. Такимъ

образомъ, становится понятнымъ, почему она возненавидѣла Янука, который, считая себя главнымъ моимъ спасителемъ отъ хаперовъ,—а вѣдь такъ оно и было,—позволялъ себѣ обращаться со мной при частыхъ встрѣчахъ запросто, чуть ли не запанибрата и не иначе называлъ меня, какъ—племянничекъ Шепинке!..

— Онъ унижаетъ наше дитя,—со слезами жаловалась она отцу.—Какъ смѣетъ этотъ «орелъ» (необрѣзанный) называть племянникомъ будущее свѣтило во Израилѣ!..

Она пробовала подкупать Янука водкой и умоляла его, чтобъ не называлъ меня племянникомъ; но Янукъ угощался ея водкой охотно, а меня продолжалъ называть Шепинкой-племянничкомъ... Изувѣченіе первой партіи хаперовъ въ нашемъ домѣ отбило охоту и у другихъ партій напасть на него. Тѣмъ болѣе, когда всѣмъ было извѣстно, что знаменитые силачи Янукъ со Стасомъ перебрались на жительство къ намъ на кухню и неусыпно охраняютъ меня.

Окончу разсказъ о моемъ спасеніи отъ рекрутчины, благодаря заступничеству равви Элія-гаона тѣмъ, что передамъ вкратцѣ о дальнѣйшей судьбѣ хапера Симхи-Бера.

Долго онъ пролежалъ больной у насъ на кухнѣ. За нимъ, какъ за братомъ, усердно ухаживали Янукъ и Стасъ. Впрочемъ, и мать часто навѣщала его, пригласила къ нему костоправа и кормила его самыми лучшими кусками съ нашего стола. Когда онъ выздоровѣлъ, то оказался калѣкой на всю жизнь. Безъ костылей онъ не могъ сдѣлать ни шагу. Дѣться ему было некуда, и онъ такъ и остался жить у насъ до конца дней своихъ.

Къ настоящей работѣ онъ сталъ неспособенъ, ибо ноги его дѣйствовали слабо, и даже при помощи костылей онъ съ большимъ трудомъ, еле-еле переходилъ съ мѣста на мѣсто. Долгое время просиживалъ онъ по цѣлымъ днямъ въ отведенномъ ему углу на кухнѣ безъ занятій, въ одиночествѣ, съ поникшей головой, пребывая въ молчаніи и постоянно вздыхая. Пищи хоть отпускали ему много, но ѣлъ онъ мало, а спалъ онъ еще меньше. Старуха, наша кухарка, жаловалась, что онъ постоянно стонетъ и вздыхаетъ по ночамъ и не даетъ ей спать. Окружающіе хоть и жалѣли калѣку, все же презирали его, какъ бывшаго хапера, и сторонились отъ него. Но это ужасное его положеніе кончилось, когда онъ выдумалъ для себя занятіе. Онъ сталъ выдѣлывать нитки изъ шерсти и прясть ленъ; изъ нитокъ онъ нарѣзывалъ священные пучки «цицесъ» и продавалъ. Занятіе, нельзя сказать, чтобъ было особенно прибыльное, но зато весьма почтенное. Это почтенное занятіе примирило съ нимъ окружающихъ и къ нему стали относиться все лучше и лучше. Отецъ даже распорядился, чтобъ онъ обѣдалъ и ужиналъ съ нами за общимъ столомъ, а не на кухнѣ, какъ до тѣхъ поръ.

Съ началомъ своихъ занятій Симха-Беръ весь переродился до неузнаваемости. Онъ сталъ веселъ, говорливъ и даже шутливъ.

Работалъ онъ по цѣлымъ днямъ почти безъ перерывовъ; первое время—молча; потомъ сталъ тихо подпѣвать себѣ разныя духовныя молитвы. Голосъ у него былъ пріятный. Какъ-то разъ кухарка попросила его спѣть громко; онъ согласился и запѣлъ такъ задушевно и красиво, что мать, услышавъ издали его пѣніе, отправилась къ нему на кухню и долго тамъ пробыла и все слушала его пѣніе. Съ тѣхъ поръ сталъ онъ громко пѣть не только на кухнѣ, но и за нашимъ столомъ, за нашими торжественными трапезами по субботамъ и праздникамъ? Даже когда собирались къ намъ гости въ праздники, то ихъ стали угощать, между прочимъ, и безподобнымъ пѣніемъ Симхи-Бера.

Симха-Беръ прожилъ у насъ около десяти лѣтъ. Когда перестройка въ Молодечнѣ была окончена и мы переѣхали на нѣкоторое время въ Минскъ, гдѣ дядя взялся за новый подрядъ, мы его взяли съ собой. Потомъ онъ съ нами переѣхалъ изъ Минска въ Вильну. Словомъ, онъ сдѣлался заправскимъ членомъ нашей семьи, и мы всѣ къ нему и онъ ко всѣмъ намъ привязались, и полюбили мы его и онъ насъ.

Однакожъ за годъ до своей смерти онъ пожелалъ переселиться въ «бетъ-медрешъ» (молитвенный домъ), чтобы замолить грѣхи юности. Въ «бетъ-медрешѣ» онъ и умеръ и завѣщалъ оставшіеся послѣ него 137 рублей, за вычетомъ пятидесяти рублей на похороны, сироткѣ-дѣвушкѣ, которая жила въ нашемъ домѣ и воспитывалась моей матерью, на приданое.

Предсказаніе отца моего относительно Симхи-Бера, такимъ образомъ, сбылось: кончина его была праведная, и бывшій хаперъ отошелъ въ вѣчность съ честью.

Перехожу къ другому случаю проявленія заступничества за меня равви Элія-гаона.

V.

Случай этотъ, хотя тоже долженъ быть отнесенъ къ чудеснымъ, но на этотъ разъ равви заступился за меня не по собственной иниціативѣ, а по моленіямъ моей матери, которая обратилась къ нему въ критическій моментъ съ ходатайствомъ о помощи и заступничествѣ. На этотъ разъ обстоятельства были настолько серьезны, что мать не ограничилась одними моленіями на могилѣ святого мужа, но и совершила нѣкое «дѣйство» на его могилѣ, которое, несомнѣнно, было пріятно равви Эліи, а потому мало удивительнаго въ томъ, что гаонъ снизошелъ къ ея моленіямъ и по его ходатайству предъ Всевышнимъ совершилось то чудо, котораго мать такъ пламенно желала и съ вѣрой ожидала.

На двѣнадцатомъ году моей жизни я заболѣлъ какой-то острой болѣзнью. Разумѣется, родители мои прибѣгли къ всевозможнымъ средствамъ, чтобы выходить меня. Помимо постояннаго доктора, ко-

торый пользовалъ меня, были созваны консиліумы. Хотя семья наша не принадлежала къ толку «хасидовъ» и относилась къ «цадикамъ» (хасидскіе чудотворцы) совершенно равнодушно и, пожалуй, даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ, считая ихъ «цвіяками» (ханжами) и лицемѣрами, все же въ трудную минуту прибѣгла и къ ихъ помощи и ежедневно посылала «цадику» «пидіенъ» (вознагражденіе) въ размѣрѣ «хай» (восемнадцати) злотыхъ, дабы онъ при посредствѣ каббалы совершилъ чудо и спасъ меня отъ смерти. Мало того, по настоянію матери, «цадикъ» дважды былъ приглашенъ къ намъ на домъ и совершалъ свои каббалистическія манипуляціи у изголовья моего и получалъ за каждый свой визитъ не простой «хай» (восемнадцать) злотыхъ, а тройной; былъ приглашенъ къ моему болѣзненному одру съ Татарской улицы и «кейдеръ» (колдунъ) Магометъ, который обкуривалъ меня какими-то травами и напоилъ меня изъ большой черной бутылки вонючей и горькой жидкостью. Бутылку съ вонючей жидкостью онъ оставилъ у насъ и приказалъ, чтобы не только меня поили ею два раза въ день по столовой ложкѣ, но чтобы ту же порцію непремѣнно принималъ и тотъ, кто будетъ меня поить его лекарствомъ и бѣдная моя мама, которая давала мнѣ лекарство, тоже глотала эту мерзость. Что ежедневно цѣлый «миніенъ» (десятокъ) евреевъ трижды молились о моемъ выздоровленіи у моей кровати, само собой подразумѣвается.

Но ни доктора, ни «цадикъ», ни «кейдеръ», ни «миніенъ» ни капельки не помогли мнѣ. Болѣзнь моя прогрессировала и дошла до того, что я ужъ лежалъ безъ сознанія и доктора отъ меня отказались, объявивъ, что на выздоровленіе мое нѣтъ никакой надежды.

Но тутъ-то, въ великомъ горѣ, мать мою осѣнило слѣдующее: вѣдь не даромъ же равви Элій явился къ ней во снѣ, чтобы спасти меня отъ рекрутчины; потрудился же святой равви не для того, чтобы я умеръ въ юности; не даромъ же всѣ были увѣрены, что мнѣ предстоитъ сдѣлаться великимъ во Израилѣ, значитъ, нельзя допускать моей смерти, я долженъ и буду жить!.. А чтобъ такъ оно и было, остается послѣднее и самое вѣрное средство: отправиться на могилу равви Элія и попросить его вспомнить, съ какой цѣлью спасъ онъ меня отъ рекрутчины, и если цѣль его была та, что мнѣ предстоитъ быть великимъ во Израилѣ, то онъ долженъ завершить до конца свое дѣло: умолить Бога возвратить меня, ея первенца, къ жизни...

И, ободренная осѣнившими ее мыслями, никому объ этомъ не сообщивъ, она немедленно приступила къ выполненію задуманнаго.

Она наняла городского кантора съ его хоромъ въ полномъ составѣ, человѣкъ пятнадцать-восемнадцать, не считая дѣтей-пѣвчихъ, и отправилась съ ними на Старое кладбище. Тамъ, у могилы гаона равви Элія канторъ съ хоромъ празднично-торжественно про-

пѣлъ «Эйлъ-Моле-Рахмимъ» (Господь полонъ силъ)!.. за упокой души праведника. И все время, что канторъ и хоръ пѣли эту длительную молитву, мать лежала на снѣжномъ холмѣ могилы праведника, уткнувшись лицомъ въ мерзлый снѣгъ, и горячо молилась о душѣ равви и о моемъ выздоровленіи... Когда пѣніе кончилось, она, при содѣйствіи кантора, обмѣрила толстой ниткой окружность могилы восемнадцать разъ и, намотавъ эту нитку въ клубокъ, положила этотъ клубокъ на могилу, сама припала къ ней и громко взмолилась:

— Равви! знай, что я вымѣряла твою могилу «хай» разъ и нитки, лежащія на твоей могилѣ, свидѣтельствуютъ правду словъ моихъ. Нитку эту превращу въ свѣчу чистаго воску, и возжена она будетъ, и будетъ горѣть и свѣтить праведнымъ евреямъ, которые будутъ пѣть псалмы въ поминъ чистой души твоей. Собери слезы мои, бери скорбь мою, отнеси къ престолу Всевышняго и умоли Его прогнать «малаха-гамовесъ» (ангела смерти) отъ изголовья болѣющаго сына моего, первенца моего, Шабсая!.. Такъ заступись!.. и молись!.. Скажи же, скажи «аминь» мнѣ въ отвѣтъ!..

Со Стараго кладбища мать возвратилась успокоенная и чуть ли не радостная. Извѣстіе отца, что мнѣ хуже, что дыханіе мое прекращается, она выслушала съ улыбкой и съ опредѣленной увѣренностью сообщила ему, что мое выздоровленіе близко и что «малахъ-гамовесъ» будетъ прогнанъ отъ моего изголовья, что это ей обѣщано самимъ гаономъ, ибо она ясно слышала голосъ равви, который раздался въ ея ушахъ и трижды произнесъ «аминь» въ отвѣтъ на ея мольбы...

Къ утру этой ночи я, дѣйствительно, очнулся и попросилъ пить. Выздоровленіе мое, вопреки увѣреніямъ врачей, хотя и медленное, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становилось очевиднымъ. Мать моя торжествовала. Она была увѣрена, что сама она избранница Господа, если Онъ надоумилъ ее обратиться къ заступничеству равви Элія. А что только заступничество гаона спасло меня отъ смерти, въ этомъ не сомнѣвался никто. И всѣ считали это вторымъ великимъ чудомъ, которое совершилъ онъ для меня. И тутъ всѣ еще болѣе увѣровали, что жизнь моя будетъ ознаменована еще и другими чудесами и что мнѣ предстоитъ совершать великія дѣла во славу Израиля и въ утѣшеніе и на гордость моимъ родителямъ.

Послѣ этого выздоровленія культъ почитанія памяти гаона равви Элія еще болѣе утвердился въ нашемъ домѣ.

Аппокрифическія сказанія о гаонѣ.

Существуетъ, вѣроятно, печатное жизнеописаніе гаона Элія, но мнѣ таковое въ руки ни разу не попадало. Оно и не удивительно. Я былъ очень молодъ, когда культъ гаона былъ мнѣ дорогъ, и ни о какихъ книгахъ, кромѣ тѣхъ, которыя входили въ установленную

программу обученія еврейскихъ мальчиковъ и юношей, не имѣлъ понятій. Когда же наступила моя возмужалость, почитаніе мое гаона и вѣра моя въ чудеса его настолько отошли на задній планъ, что я не особенно искалъ ознакомиться съ подробнымъ его жизнеописаніемъ. Съ моею возмужалостью, надо прибавить, совпадаетъ и переломъ въ религіозномъ міровоззрѣніи всего моего семейства и даже моей набожной матери. И имя гаона равви Элія стали произносить въ нашемъ домѣ все рѣже и рѣже, и то случайно.

Все же многое о его жизни изъ тѣхъ разсказовъ, которыхъ наслышался въ дѣтствѣ, запечатлѣлось въ моей памяти навсегда. Хотя свѣдѣнія мои о немъ носятъ больше легендарный характеръ, тѣмъ не менѣе они любопытны, въ смыслѣ обрисовки вѣрованій и быта евреевъ конца XVII и начала, пожалуй, даже всей первой половины XIX вѣка.

Наружность равви Элія, если судить по сохранившемуся портрету его, была довольно внушительная. Это былъ человѣкъ крупныхъ размѣровъ, высокаго роста и широкій въ плечахъ. Блѣдное продолговатое лицо съ крупнымъ орлинымъ носомъ украшено чрезвычайно длинной сѣдой бородой лопатой, лобъ широкій, выдающійся, весь изрытъ морщинами; пейсы его, сѣдыми кольцами вьющіеся, и достигающіе до самыхъ плечъ, сообщаютъ оригинальную красоту портрету. Такъ и кажется, что лицо равви окружено серебристой рамкой. Глаза, большіе сѣрые, смотрятъ изъ-подъ густыхъ серебристыхъ бровей съ сосредоточенно-строгой суровостью. Въ общемъ же выраженіе лица вдохновенно-задумчивое, суровомечтательное. Изображенъ онъ сидящимъ на скамьѣ въ «бетъ-медрешъ», у восточной стѣны, рядомъ съ кивотомъ Завѣта, а передъ нимъ стоитъ «стендеръ» (пюпитръ) и надъ нимъ громадный фоліантъ. Равви одѣтъ въ «талетъ» и «тефилинъ».

Полный титулъ его—«равви Элій, гаонъ виленскій, хосидъ» («хосидъ»—праведникъ; не слѣдуетъ смѣшивать съ «хасидъ»—названіе толка).

Сорокъ съ чѣмъ-то лѣтъ равви Элій офиціально стоялъ во главѣ виленскаго кагала, номинально занимая постъ «авъ гакоолъ» (отца кагала, т. е. предсѣдательствующаго). На самомъ же дѣлѣ кагаломъ не руководилъ и на засѣданіяхъ его не только не предсѣдательствовалъ, но и не присутствовалъ. Равви своимъ громаднымъ авторитетомъ служилъ и украшеніемъ кагалу и, какъ отвѣтственное офиціальное лицо, отвѣчалъ за проступки кагала.

Равви прожилъ послѣднія сорокъ лѣтъ своей жизни, не выходя изъ «бетъ-медреша», который самъ же построилъ и который носитъ его имя: «Изба-Хосида». Этотъ «бетъ-медрешъ» существуетъ до сихъ поръ, тщательно ремонтируется и поддерживается. Скамья, на которой просидѣлъ сорокъ лѣтъ равви, и предъ ней «стендеръ» (пюпитръ) его стоятъ на томъ же мѣстѣ, на которомъ стояли при его

жизни, у восточной стѣны, рядомъ съ кивотомъ Завѣта. Въ день «іомъ-кипура» (судный день) равви невидимо присутствуетъ на своемъ мѣстѣ въ «бетъ-медрешѣ» и вмѣстѣ съ живыми молится объ освобожденіи отъ «голуса» (ига разсѣянія) и возстановленіи царства Израильскаго и храма.

Гаону исполнилось тридцать четыре года, когда онъ закончилъ постройку своего «бетъ-медреша». Когда онъ въ первый разъ приложился къ свитку Торы (пятикнижіе Моисея), то далъ Богу два зарока: не переступать обратно порогъ святой «избы» и не произносить ни одного слова на жаргонѣ и пользоваться только священнымъ языкомъ Библіи.

Первый зарокъ не сподобилъ его Господь исполнить въ точности. Два раза былъ онъ извлеченъ оттуда насильно, по повелѣнію начальства. Подробности объ этомъ сообщу ниже. Зато второй зарокъ онъ выполнилъ даже въ болѣе суровой формѣ: послѣдніе двадцать два года своей жизни онъ пребывалъ въ совершеннѣйшемъ и абсолютномъ молчаніи.

Переступивъ порогъ своей «избы», онъ надѣлъ «талетъ» и «тефилинъ» и ужъ больше не снималъ ихъ съ себя до самой кончины. Время его проходило: днемъ—въ молитвѣ и изученіи Талмуда и Мишны; ночью—въ изученіи Каббалы и всѣхъ существующихъ наукъ, въ бесѣдахъ съ ангелами и архангелами и въ созерцаніи райскихъ веселій и мукъ ада. Во снѣ онъ не нуждался: онъ пріучилъ себя, подобно ангеламъ, не спать, а «менагемъ к'сусъ» (дремать, какъ лошадь) ровно минуту въ сутки. (Объ этомъ способѣ ангеловъ дремать, какъ лошадь, извѣстно изъ Мидраша, гдѣ подробно разсказывается о житьѣ-бытьѣ ангеловъ и о всякихъ небесныхъ порядкахъ). Ѣлъ онъ мало и не употреблялъ «ейверъ-минъ-га-хай» (куска живого), т. е. онъ былъ вегетеріанцемъ; пилъ только воду. Талмудъ и Мишну онъ читалъ и разъяснялъ всѣмъ своимъ ученикамъ, но въ Каббалу посвящалъ только избранныхъ; а о своихъ бесѣдахъ съ ангелами и архангелами и о своихъ видѣніяхъ въ потустороннихъ мірахъ прямо никому не говорилъ, и избранные ученики догадывались о нихъ лишь по нѣкоторымъ признакамъ и по незначительнымъ намекамъ...

Какъ знатокъ всевозможныхъ наукъ, онъ, конечно, зналъ и медицину. Къ нему стекались трудно больные со всѣхъ концовъ свѣта, но всѣхъ лечить у него не было времени,—ему тяжело было оторваться отъ изученія «закона» и расходовать драгоцѣнное время на сторонніе занятія,—и паціентовъ не всѣхъ къ нему допускали. Лечилъ онъ больныхъ молитвой и возложеніемъ рукъ на ихъ головы. Не было примѣра, чтобъ больной ушелъ отъ него не излеченнымъ.

Такъ жилъ онъ, затворникомъ, предаваясь ученію и обученію, молитвѣ и созерцанію, и никакими дѣлами не интересовался.

И вотъ этотъ-то затворникъ числился офиціальнымъ главою виленскаго кагала и, прикрываясь его именемъ, фактическіе дѣятели кагала и «бетъ-дина» (суда) управляли громадной общиной и, разумѣется, не всегда безупречно. Но послѣднее не мѣшало виленскому кагалу считаться славнѣйшимъ и благословеннѣйшимъ среди прочихъ кагаловъ Литвы и Польши. Самъ городъ Вильна получилъ особое значеніе въ глазахъ всего еврейства и былъ названъ Іерусалимомъ плѣненія («голуса»), каковое названіе сохранилъ онъ и понынѣ.

Хотя гаонъ былъ только номинальнымъ главою кагала, тѣмъ не менѣе онъ дважды пострадалъ, какъ офиціальный его предсѣдатель, каковымъ знала его мѣстная администрація и считала фактическимъ представителемъ кагала.

Одинъ разъ онъ былъ вызванъ въ судъ и у него требовали разъясненія въ какихъ-то неблаговидныхъ поступкахъ кагала, а въ другой разъ его даже посадили въ острогъ. Разумѣется, равви не имѣлъ никакого понятія какъ о томъ, зачѣмъ его требовали въ судъ, такъ и о томъ, за что его повлекли въ острогъ. Въ первомъ случаѣ, какъ преданіе говоритъ, даже и кагалъ не зналъ, почему потребовали равви въ судъ. Его тамъ не допрашивали, и никакихъ показаній гаонъ судьямъ не давалъ, онъ даже рта не открывалъ на судѣ. Каждый разъ, когда тотъ или другой судья пытался задавать гаону вопросъ, языкъ его прилипалъ къ гортани и онъ лишался способности рѣчи. Судьи испугались могущества равви и отпустили его съ миромъ безъ допроса. Когда же гаона посадили въ острогъ, то и тутъ дѣло не обошлось безъ чуда. Хотя двери его тюрьмы были накрѣпко заперты желѣзными засовами и правая нога его была заключена въ тяжелой колодкѣ; но и двери тюрьмы сами собой открылись, и тяжелая колодка сама собой спала съ его ноги, и ангелы на рукахъ перенесли равви изъ тюрьмы и водворили его на мѣсто, въ «бетъ-медрешъ», какъ разъ къ началу вечерной молитвы.

Хотя оба эти случаи послужили къ прославленію равви даже среди иновѣрцевъ, но самъ гаонъ былъ опечаленъ ими. Ибо, хотя и невольно съ его стороны, но этими случаями былъ нарушенъ первый его зарокъ о томъ, что до конца жизни ноги его не переступятъ черезъ порогъ «бетъ-медреша».

Императоры Александръ I и Наполеонъ у гаона.

Въ послѣдніе годы его жизни слава о его мудрости, учености и святости распространилась на весь міръ. Не только евреи, но и иновѣрцы почитали его и благоговѣйно относились къ его подвигамъ. Изъ разныхъ городовъ стекались въ Вильну благочестивые люди, чтобы удостоиться лицезрѣть его. Иновѣрцы допускались видѣть его только издали: съ порога «бетъ-медреша». И, какъ

удостовѣряетъ преданіе, только императоръ Александръ I и императоръ Наполеонъ имѣли съ нимъ свиданія, и первый изъ нихъ бесѣдовалъ съ нимъ весьма продолжительное время.

Подробности этихъ свиданій таковы.

Императоръ Александръ I, еще живя въ Петербургѣ, слыхалъ, что въ Вильнѣ главою кагала состоитъ великій мудрецъ, каббалистъ и духовидецъ, имѣющій постоянное общеніе съ ангелами и архангелами. Когда онъ пріѣхалъ въ Вильну, то спросилъ генералъ-губернатора, правда ли все то, что дошло до него о гаонѣ. Генералъ-губернаторъ отвѣтилъ, что не только правда то, что императору извѣстно, но десятой части подвиговъ гаона не заключается въ свѣдѣніяхъ его. Услышавъ это, императоръ пожелалъ видѣть гаона, чтобы посовѣтоваться насчетъ своего государства и попросить его открыть ему будущее. Императоръ, по своей вѣрѣ, отличался религіозностью и благочестіемъ и любилъ и чтилъ благочестивыхъ людей и чужихъ вѣръ. Онъ былъ добрый и деликатный человѣкъ и поступалъ всегда вѣжливо. Онъ не послалъ жандармовъ, чтобъ привели къ нему гаона, а самъ отправился къ нему въ «бетъ-медрешъ». Въ сопровожденіи всей своей царской свиты прибылъ императоръ на синагогальный дворъ и, слѣзая съ коня у самыхъ дверей «избы» гаона, обратился къ прибѣжавшимъ встрѣчать его кагальникамъ съ вопросомъ:

— Можно ли видѣть гаона и побесѣдовать съ нимъ?

На вѣжливый вопросъ императора кагальники вѣжливо отвѣтили:

— Можно!...

Тогда императоръ опять вѣжливо попросилъ одного изъ кагальниковъ пойти къ гаону и доложить ему о немъ. Кагальникъ въ одинъ мигъ сбѣгалъ и, возвратившись, доложилъ, что гаонъ еще вчера зналъ, что царь придетъ къ нему, и онъ его дожидается. Александръ приказалъ свитѣ остаться на дворѣ и одинъ пошелъ къ гаону. Равви Элій встрѣтилъ царя стоя, съ поднятыми вверхъ обѣими руками. И когда царь приблизился къ нему, громко, радостно и благоговѣйно произнесъ установленную при лицезрѣніи царя бенедикцію:

— Се, съ переполненнымъ радостью сердцемъ благодарю Тебѣ, Владыка неба и земли, Творецъ всего существующаго, что удостоилъ Ты меня, раба Своего, лицезрѣть отраженіе небесной славы Твоей и величія Твоего на землѣ, и сподобилъ меня приблизиться къ Помазаннику Твоему!...

Окончивъ бенедикцію, гаонъ привѣтствовалъ царя поклономъ, а послѣдній, въ свою очередь, поклонился гаону.

Царь и гаонъ усѣлись рядомъ и приступили къ бесѣдѣ. Царь говорилъ по-русски, а гаонъ на священномъ языкѣ Библіи. И удивительно и чудесно въ ихъ бесѣдѣ было то, что каждый изъ нихъ не имѣлъ понятія о языкѣ, на которомъ говорилъ собесѣдникъ, тѣмъ не

менѣе другъ друга понимали до тонкости, какъ будто они разговаривали на одномъ, общемъ для обоихъ, родномъ языкѣ. Разумѣется, это чудо гаонъ сотворилъ въ честь царя.

Царь открылъ гаону всю свою душу, разсказалъ всѣ государственныя тайны, даже и такія, о которыхъ онъ не говорилъ своимъ министрамъ; изложилъ ему всѣ свои тревоги и мученія. А мучился и тревожился тогда царь сверхъ всякой мѣры: его безпокоила война съ Наполеономъ; онъ боялся, что Наполеонъ побѣдитъ его и отниметъ у него Россію. О всѣхъ своихъ мысляхъ и думахъ онъ разсказалъ гаону.

Гаонъ внимательно выслушалъ царя до конца и сказалъ ему, что онъ тревожится напрасно, что побѣда будетъ на его сторонѣ и Наполеонъ со срамомъ изъ Россіи убѣжитъ. И чтобы совершенно успокоить царя, онъ открылъ ему нѣкоторыя тайны. Онъ подробно разсказалъ, какъ близко знаетъ силу и мощь «шара» Александра и «шара» Наполеона [1]); съ тѣмъ и другимъ онъ хорошо былъ знакомъ, онъ бесѣдовалъ съ ними много разъ и въ достаточной мѣрѣ изучилъ силу каждаго изъ нихъ. «Шаръ» Александра одаренъ большими преимуществами и большей силой, чѣмъ «шаръ» Наполеона. И побѣдитъ Александръ, хотя, конечно, не безъ большихъ трудовъ и многихъ опасностей, потому что и сила «шара» Наполеона тоже не маленькая.

Посвятивъ, такимъ образомъ, царя въ то, что было открыто ему самому тайнымъ проникновеніемъ и Каббалой, онъ на прощаніе подвелъ его къ киоту Завѣта и далъ ему поцѣловать священный свитокъ Торы. Послѣднимъ царь былъ весьма тронутъ и обѣщалъ гаону дѣлать добро евреямъ.

Свиданіе Наполеона съ гаономъ было неблагополучно для обоихъ.

Наполеонъ былъ человѣкъ грубый и нахальный. И то: родился онъ отъ простыхъ родителей, которые на какомъ-то островѣ занимались разбоемъ. Ни деликатности, ни вѣжливому обращенію родители не научили его, потому что сами они не имѣли объ этомъ никакого понятія. Можно себѣ представить, какъ возгордился сынъ разбойника, сдѣлавшись царемъ! Никого онъ знать не хотѣлъ, никого не почиталъ, и даже Бога не совсѣмъ признавалъ. Все же, прибывъ въ Вильну и наслышавшись о величіи и славѣ гаона, захотѣлъ съ нимъ побесѣдовать.

---

[1]) «Шаръ» или «Саръ»—подъ этимъ названіемъ извѣстны ангелы, приставленные къ царямъ. По Мидрашу и Каббалѣ, при рожденіи мальчика или дѣвочки, которымъ предназначено царствовать, Господь призываетъ къ себѣ одного изъ ангеловъ и поручаетъ ему охранять его или ее и руководить ими. Ангелъ долженъ безпрерывно бодрствовать надъ поручаемымъ ему и преданно служить ему. Чѣмъ большей силой и большимъ могуществомъ обладаетъ ангелъ, тѣмъ, конечно, больше пользы царю отъ него, тѣмъ многочисленнѣе побѣды послѣдняго и славнѣе его царствованіе.

На свою бѣду, Наполеонъ выбралъ для этого совсѣмъ неподходящее время. Гаонъ былъ занятъ утренней молитвой и въ тотъ моментъ, когда онъ только началъ читать «Шема Исроель!» («Слушай, Израиль!»—прибавлю: важнѣйшая изъ молитвъ), Наполеонъ съ дерзостью ворвался въ «бетъ-медрешъ» въ сопровожденіи своей многочисленной свиты, состоявшей, разумѣется, изъ иновѣрцевъ. Но, переступивъ порогъ, онъ вынужденъ былъ остановиться: ноги его отказались двигаться дальше. И со свитой его случилось то же самое. Разгнѣвался Наполеонъ, но ничего подѣлать не могъ, и до тѣхъ поръ, пока гаонъ не дочиталъ «Шема Исроель» до послѣдняго слова, ноги отказались служить ему, и невидимая сила принудила его стоять у порога и ждать. Получилъ онъ способность опять двигать ногами, когда «Шема» кончилась, и поспѣшилъ приблизиться къ гаону. Равви привѣтствовалъ его поднятіемъ обѣихъ рукъ и произнесеніемъ установленной бенедикціи. Но произнесъ онъ бенедикцію не громко, вслухъ,—какъ онъ поступилъ при свиданіи съ Александромъ,—а мысленно, про себя. Наполеонъ понялъ, что гаонъ къ нему не привѣтливъ въ должной мѣрѣ. Это ему не понравилось, и онъ еще больше разгнѣвался. Не желая возстановить противъ себя гаона, онъ затаилъ гнѣвъ свой и милостиво отвѣтилъ на его привѣтствіе. Устремивъ на равви свой взоръ, онъ заговорилъ съ такой быстротой, что произносилъ больше трехъ словъ въ секунду. Онъ разсказалъ равви о разныхъ своихъ затрудненіяхъ и просилъ его обдумать все и дать ему совѣты и указанія. Равви, разумѣется, понялъ императора до тонкости, хотя онъ изъяснялся съ нимъ на невѣдомомъ ему французскомъ языкѣ и, какъ замѣчено, съ необыкновенной быстротой. Но совѣтовать Наполеону и давать ему указанія равви, по ему одному извѣстнымъ причинамъ, не нашелъ возможнымъ, и ограничился тѣмъ, что открылъ предъ нимъ маленькую щелочку въ будущее. Какъ только императоръ заглянулъ въ щелочку и увидѣлъ тамъ, что его «шаръ» побѣжденъ «шаромъ» императора Александра, онъ пришелъ въ ярость и не постѣснялся вымѣстить гнѣвъ свой на ни въ чемъ не повинномъ равви! Онъ далъ равви щелчокъ по лбу, плюнулъ ему въ лицо, крикнулъ: «дуракъ!...» повернулся къ равви спиной и убѣжалъ отъ него съ такой поспѣшностью, очевидно, въ смущеніи, что опрокинулъ, въ своемъ бѣгствѣ, по пути два «стендера» (пюпитра). Свита его въ испугѣ кинулась за нимъ, тоже бѣгомъ.

Равви не разсердился на Наполеона. Онъ грустно провожалъ его добрымъ взглядомъ, вытеръ досуха лицо и со скорбью и печалью произнесъ ему вослѣдъ:

— Бѣдный вѣнценосецъ! Какъ слабо держится корона на твоей головѣ!... Шатается!...

Произнесъ онъ это, конечно, мысленно, ибо въ то время онъ подчинялся уже своему обѣту молчанія.

Сказаніе о «гейломѣ».

О многочисленныхъ чудесахъ, которыя равви творилъ и при жизни своей и послѣ кончины своей, существуетъ множество устныхъ сказаній. По существу своему, чудеса, приписываемыя гаону Элію, въ большинствѣ своемъ мало разнствуютъ отъ чудесъ, приписываемыхъ и другимъ раввинамъ праведной и святой жизни. Но одно чудо, которое сотворилъ равви Элій, настолько удивительно и выдается своей необычайностью среди всякихъ чудесъ, что о немъ стоитъ разсказать въ подробности.

Равви Элій сотворилъ нѣчто такое, что до него никому изъ праведниковъ сотворить не было по силамъ. Онъ сдѣлалъ для себя «гейлома» (гомункула) изъ глины, который замѣнялъ ему прислужника въ теченіе четырнадцати лѣтъ и семи мѣсяцевъ и трехъ дней, т. е. вплоть до самой кончины гаона.

Подробности этого чуда преданіе разсказываетъ такъ.

Гаонъ очень тяготился тѣмъ, что для личныхъ ему услугъ ему приходилось отрывать отъ ученія своихъ учениковъ и заставлять ихъ тратить время на занятія, не соотвѣтствующія ихъ положенію. Конечно, «услуживать «талмудъ-хахаму» (ученому мудрецу) заслуга предъ Господомъ», — но это изреченіе Мидраша слѣдуетъ отнести не къ тѣмъ, которые сами занимаются изученіемъ закона. Изученіе закона—самая высшая заслуга предъ Господомъ, и занимающійся закономъ освобождается отъ всякихъ другихъ, кромѣ молитвы, обязанностей.

Гаону, волей-неволей, въ теченіе многихъ лѣтъ все-таки приходилось пользоваться услугами учениковъ своихъ. Не могъ онъ обходиться ни безъ пищи, ни безъ дровъ, ни безъ воды. Для того, чтобы все это самому добыть, необходимо было бы выходить изъ «бетъ-медреша», а, по данному имъ зароку, онъ даже не могъ переступить и за порогъ его. Такимъ образомъ, каждый разъ, когда онъ вынужденъ бывалъ приказать ученикамъ своимъ исполнить ту или другую мірскую работу, онъ болѣлъ душою и горевалъ, что отрываетъ ихъ отъ изученія закона.

Сокрушаясь постоянно безвыходностью такого его положенія, онъ никогда не переставалъ думать о томъ, какъ отъ него освободиться. Послѣ многолѣтнихъ думъ и размышленій средство было имъ найдено. Изучая по ночамъ Каббалу, онъ открылъ смыслъ одной таинственной формулы, до котораго до него никто не могъ добраться. И открытіе это вывело его изъ затрудненія: оно освободило его отъ необходимости пользоваться услугами учениковъ своихъ, тратить ихъ время на мірскія работы и отрывать ихъ отъ изученія закона.

На слѣдующій день послѣ своего открытія, когда закончилась утренняя молитва, гаонъ собралъ вокругъ себя всѣхъ учениковъ

своихъ и радостно объявилъ имъ, что отнынѣ онъ не будетъ больше отрывать ихъ отъ изученія закона для личныхъ ему услугъ и обращается къ нимъ въ послѣдній разъ съ просьбой услужить ему. Онъ попросилъ, чтобы они немедленно принесли ему размягченной глины, мужскую рубашку, «арбе-канфесъ» (кусокъ шерстяной матеріи, приблизительно въ аршинъ длины и поларшина ширины, на четырехъ концахъ котораго продѣты священныя нити—«цицесъ», и имѣющій въ серединѣ круглый вырѣзъ, чрезъ который свободно проходитъ голова. «Арбе-канфесъ» иначе называется:—«талетъ-котонъ» (малый талетъ). Каждый еврей обязанъ постоянно носить «арбе-канфесъ» и снимать его только во время сна. Простые евреи носятъ его открыто, и ихъ не стѣсняютъ висящіе на немъ «цицелесъ») и ермолку.

Когда все было ему доставлено, онъ въ присутствіи учениковъ приступилъ къ работѣ. Изъ размягченной глины сталъ онъ вылѣплять человѣческую фигуру, и, что было удивительно, руки его такъ быстро и умѣло работали, точно равви обучался гончарному искусству съ молодости. Чрезъ какой-нибудь часъ на полу «бетъ-медреша» лежала совершенно готовая фигура, роста средняго человѣка, изъ мягкой глины. Равви трижды дунулъ на фигуру, и она моментально просохла и сдѣлалась тверда, какъ каменная. Тогда равви поставилъ ее на ноги и надѣлъ на нее рубашку и «арбе-канфесъ». Попросивъ одного изъ учениковъ поддерживать фигуру, чтобъ она не упала и не разбилась, равви уединился въ каморку, въ которой проводилъ ночи, и чрезъ нѣкоторое время возвратился оттуда со сложеннымъ въ трубочку маленькимъ кускомъ пергамента, на которомъ была имъ начертана никому не извѣстными знаками таинственная каббалистическая формула. Равви положилъ трубочку на голову фигуры и прикрылъ голову ермолкой.

— Оставь его,—обратился равви къ ученику, поддерживавшему фигуру.—«Гейломъ» готовъ и не нуждается въ твоей помощи.

Ученикъ выпустилъ его изъ рукъ, и «гейломъ», оставленный безъ поддержки, продолжалъ твердо стоять на своихъ глиняныхъ ногахъ.

— А теперь иди!—приказалъ равви, обращаясь къ «гейлому».—И «гейломъ» зашагалъ по прямому направленію. Приблизившись къ стѣнѣ, онъ такъ сильно ударился въ нее, что она дала трещину, еще одинъ такой ударъ, и стѣна разлетѣлась бы, но равви громко крикнулъ ему:

— Остановись!...

«Гейломъ» остановился.

— Теперь,—опять обратился равви къ «гейлому»,—обернись, проходи той же дорогой и на прежнемъ станъ мѣстѣ.

И, когда «гейломъ» и это исполнилъ, равви объяснилъ ученикамъ своимъ, что созданіе его представляетъ собой только силу механи-

ческую и что оно лишено всякаго разума. Всякое порученіе необходимо давать «гейлому» съ величайшей осторожностью и объяснить ему точно какъ что отъ него требуется, такъ и то, какъ долженъ онъ исполнить требуемое отъ него. Въ противномъ случаѣ, «гейломъ» можетъ натворить много бѣдъ. Такъ, они сами были свидѣтелями, какъ чуть не случилась бѣда, когда равви сказалъ «гейлому»: «иди», и забылъ прибавить: «до стѣны и тамъ остановись», или: «и вернись назадъ и стань на прежнее мѣсто». Если бъ равви во-время не остановилъ его, онъ продавилъ бы стѣну и продолжалъ бы шагать до скончанія міра по одному и тому же направленію, преодолѣвая и разрушая на пути своемъ всякія препятствія. И кружился бы такъ вѣчно, безостановочно по земному шару, по однажды навсегда намѣченному кругу.

— И никто не могъ бы остановить его?—спросилъ равви одинъ изъ учениковъ.

— Его всякій могъ бы остановить,—отвѣтилъ равви:—если бъ догадался подойти къ нему и убрать изъ-подъ его ермолки начертанную на пергаментѣ каббалистическую формулу; но никакому человѣку не пришло бы это въ голову.

— Но,—спросилъ другой ученикъ,—«гейломъ» встрѣтилъ бы на пути своемъ океаны и моря. Какъ бы онъ тогда поступилъ? Вы не приказали ему переплыть ихъ, а самъ онъ вѣдь догадаться не можетъ?

— Это ничего не значитъ,—отвѣтилъ равви.—«Гейлому» никакой надобности нѣтъ переплывать океаны и моря, когда онъ можетъ переходить по нимъ по ихъ дну.

Съ тѣхъ поръ равви не нуждался въ услугахъ людей, и все, что нужно было, исполнялъ для него «гейломъ».

Въ первое время, пока гаонъ еще недостаточно освоился съ своимъ слугой, случались недоразумѣнія.

Такъ, однажды въ забывчивости гаонъ приказалъ ему принести воду и приказаніе свое не разъяснилъ «гейлому» съ достаточной точностью и нужными подробностями. «Гейломъ» немедленно приступилъ къ носкѣ воды и продолжалъ это занятіе нѣсколько часовъ подъ рядъ. Онъ все носилъ воду и носилъ. Давно уже наполнилъ онъ кадку до краевъ и все продолжалъ приносить полныя ведра и выливать въ кадку. Вода, разумѣется стекала на полъ «бетъ-медреша» и чуть не затопила его. Равви въ это время былъ такъ углубленъ въ Тору, что ничего не замѣтилъ. Равви очнулся только тогда, когда почувствовалъ страшный холодъ въ ногахъ, которыя промокли. Вода была ключевая, изъ общественнаго колодца, и онъ очень продрогъ. Равви приказалъ «гейлому» прекратить его занятіе, а то сдѣлалось бы наводненіе.

Разъ изъ-за «гейлома» произошло и несчастье.

Раввинъ пригорода Антоколи, рабби Хацкель, обратился письменно къ гаону съ просьбой разъяснить ему темное мѣсто въ

Талмудѣ и немедленно прислать разъясненіе съ нарочнымъ, такъ какъ на слѣдующее утро онъ долженъ объяснить это темное мѣсто въ Талмудѣ своимъ ученикамъ. Гаонъ, не предполагая никакой хитрости со стороны рабби Хацкеля, немедленно изготовилъ отвѣтъ и передалъ его «гейлому», чтобъ доставилъ по назначенію. Но рабби Хацкель совершенно не нуждался въ отвѣтѣ гаона, ему только нужно было, чтобы гаонъ прислалъ къ нему «гейлома». Дѣло въ томъ, что рабби Хацкель тоже занимался Каббалой и достигъ въ этой тайной наукѣ большихъ знаній; но, разумѣется, до знаній гаона онъ даже и приблизиться не могъ. Былъ онъ гордъ и завистливъ. Когда гаонъ сдѣлалъ себѣ слугу «гейлома», то рабби Хацкель проникся завистью и тоже захотѣлъ сдѣлать для себя «гейлома». Но, сколько онъ ни трудился, сколько ни углублялся въ Каббалу, таинственная формула, которая можетъ сообщить жизнь глиняной фигурѣ, не была имъ открыта. Тогда онъ вздумалъ прибѣгнуть къ хитрости и изучить начертаніе формулы на «гейломѣ» гаона, и для этого ему нужно было, чтобъ гаонъ прислалъ «гейлома» къ нему на домъ, что, благодаря его хитрости, и случилось.

Но былъ же рабби Хацкель и наказанъ за свою хитрость.

Поджидая къ себѣ «гейлома», онъ услалъ на цѣлый день своихъ домашнихъ изъ дома, дабы никто не могъ видѣть его хитраго поступка. И когда «гейломъ» пришелъ къ нему, онъ заперъ за нимъ дверь на ключъ, чтобъ никто не могъ войти и помѣшать ему въ его зломъ дѣлѣ. «Гейломъ» отдалъ ему письмо гаона, повернулся къ нему спиной, чтобы уйти, но рабби Хацкель сзади подскочилъ къ нему, сорвалъ съ головы его ермолку и схватилъ обѣими руками завернутый въ трубочку кусочекъ пергамента. «Гейломъ», какъ разъ стоялъ на одной лѣвой ногѣ, ибо онъ готовился сдѣлать шагъ, и правую поднялъ. Съ исчезновеніемъ съ головы его каббалистической формулы онъ, разумѣется, лишился жизненныхъ силъ и превратился въ простую глиняную фигуру, а потому на одной ногѣ устоять не могъ и упалъ; и при этомъ отбилъ ступню поднятой правой ноги. Но рабби Хацкеля это не смутило, и, не обративъ никакого вниманія на раненнаго «гейлома», онъ поспѣшно развернулъ трубочку, желая поскорѣе прочесть таинственную формулу. Но лишь только поднесъ развернутый кусочекъ пергамента къ глазамъ своимъ, какъ почувствовалъ въ нихъ острую боль и лишился зрѣнія. Отъ боли и испуга онъ закричалъ. Но еще болѣе онъ испугался и въ еще большій пришелъ онъ ужасъ, когда хотѣлъ положить на столъ находившійся въ его рукахъ кусочекъ пергамента и убѣдился, что руки его не дѣйствуютъ и что онѣ повисли у него, какъ плети. И остался онъ въ безпомощномъ состояніи до тѣхъ поръ, пока не пришли его домашніе.

Но и домашніе его не могли облегчить его страданія и утишить его боли.

Узнавъ о случившемся, гаонъ, хотя и разсердился, все же пришелъ рабби Хацкелю на помощь. Онъ вымолилъ у Бога, чтобъ ему было возвращено зрѣніе, ибо глаза рабби Хацкеля грѣха не совершили: они не успѣли увидѣть таинственныя начертанія на пергаментѣ, но вымолить выздоровленіе его рукъ было не по силамъ и гаону. Руки рабби Хацкеля тяжко согрѣшили: онѣ сорвали съ «гейлома» ермолку и разворачивали трубочку.

Когда, по порученію гаона, любимый «талмидъ» (ученикъ) его, рабби Гедалій, отправился на квартиру рабби Хацкеля и снова возложилъ на голову «гейлома» трубочку и надѣлъ ему его ермолку и «гейломъ» всталъ и пошелъ домой, то оказалось, что онъ прихрамываетъ на правую ногу, у которой была отбита ступня. Такъ онъ и остался навсегда искалѣченнымъ, но это не ослабило его силъ и не мѣшало ему въ работѣ.

За день до своей кончины гаонъ снялъ съ головы «гейлома» ермолку, зажегъ сальную свѣчку и приблизилъ пламя къ трубочкѣ. Она сгорѣла до тла на глиняной головѣ «гейлома» и превратилась въ пепелъ. Гаонъ дунулъ и пепелъ исчезъ, а самъ «гейломъ» упалъ на полъ, превращенный навсегда въ простую глиняную фигуру.

Гаонъ приказалъ убрать эту фигуру изъ «бетъ-медреша» и положить ее на чердакъ Старой виленской синагоги, и чтобы тамъ она находилась въ сохранности до поры воскрешенія мертвыхъ, когда онъ снова оживитъ ее.

Приказаніе его было исполнено. И останки «гейлома», какъ удостовѣряютъ, покоятся тамъ и теперь, и всякій можетъ ихъ видѣть. Но лучше не любопытствовать, ибо лицезрѣніе останковъ «гейлома» причиняетъ головную боль и вредно для глазъ...

На этомъ и оканчивается сказаніе о «гейломѣ».

Память о гаонѣ и его чудесахъ, я увѣренъ, до сихъ поръ еще жива въ еврейской массѣ. Но такъ ли чтится его память въ настоящее время и такъ ли крѣпка вѣра въ чудеса его, какъ это еще не такъ давно было?—врядъ ли...

Хотя такъ и быть должно. Люди, развиваясь умственно, перерастаютъ много вѣрованій и освобождаются отъ суевѣрій. Но становятся ли они отъ этого счастливѣе?

Вспоминая теперь о годахъ моего дѣтства и юности, когда жизнь была проникнута крѣпкой вѣрой и не была чужда и суевѣрія, и сравнивая ту жизнь съ настоящей, скажу откровенно: мнѣ жаль моей прежней крѣпкой вѣры, я такъ грущу по ней...

С. Эфронъ (Литвинъ).